

Себастьян Жапризо

УБИЙСТВЕННОЕ ЛЕТО

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Sébastien Japrisot

**L'ÉTÉ
MEURTRIER**

И судью, и присяжных я сам заменю,
Хитрый пес объявил,
А тебя я казню.

*Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес**
(Пер. В. Сирина /В. В. Набокова)

* В переводе В. Сирина (В. В. Набокова) название книги звучало как «Аня в Стране чудес». Берлин: Издательство «Гамаюн», 1923. (Здесь и далее прим. переводчика)

ПАЛАЧ

Я согласился.

Вообще-то я всегда легко соглашаюсь. Во всяком случае, с Эль. Однажды я влепил ей пощечину, в другой раз побил. Зато потом всегда соглашался. Я плохо понимаю, о чем сейчас рассказываю. Ведь разговаривать я могу только со своими братьями, особенно с младшим, с Мишелем. Его все называют Микки. Он возит лес на своем стареньком «рено». Гоняет на дикой скорости, он вообще безголовый, глупый, как бревно.

Как-то я наблюдал, как он спускается в долину по нашей дороге вдоль реки. Дорога дико крутая, поворот на повороте, и узкая – двум машинам не разминуться. Я глядел на него сверху, оттуда, где растут сосны, и дорога просматривается на много километров вперед: желтая машинка то исчезала, то появлялась на новом вираже, я даже слышал, как тарахтит мотор и перекачивается груз в кузове. Он попросил меня покрасить ее в желтый цвет, когда Эдди Меркс* в четвертый раз выиграл «Тур

* *Меркс Эдуард (Эдди) (р. 1945)* – бельгийский профессиональный шоссейный велогонщик, пятикратный победитель «Тур де Франс», трехкратный чемпион мира.

де Франс»*. Это было условием пари. У него Эдди Меркс – через каждое слово. Не знаю, в кого он уродился таким дурнем.

Наш отец считал самым великим Фаусто Коппи**. Когда Коппи умер, отец в знак траура даже отпустил усы. Целый день он молча просидел на заснеженном дворе, на пне срубленной старой акации, курил свои самокрутки из папиросной бумаги Job***, которые набивал табаком американского производства. Он подбирал бычки, но только американские, и крутил себе невиданные сигареты. Да, наш отец был не такой, как все. Говорят, он пришел сюда пешком с юга Италии и всю дорогу тащил за собой на веревке механическое пианино. Делал остановки на городских площадях, чтобы народ мог потанцевать. Собирался податься в Америку, как все итальянцы. Но в конце концов остался здесь, на билет так и не накопил. Женился на нашей матери, ее девичья фамилия Дерамо, она из Диня****. Мать работала гладильщицей, он

* «Тур де Франс» – самая известная многодневная шоссейная велогонка, которую проводят во Франции более ста лет.

** Коппи Фаусто – крупнейший итальянский велогонщик конца 1940-х гг. Одержал победу в 118 профессиональных и 20 любительских велогонках, два раза побеждал в «Тур де Франс».

*** Папиросная бумага Job – популярный бренд тонкой рисовой бумаги для сигарет, которую с 1838 г. производили в Перпиньяне в виде буклетов. Известность бумаге Job принесли рекламные плакаты, выполненные художником Альфонсом Мухой (1860–1939).

**** Динь-ле-Бен – город в Провансе, бальнеологический курорт. Население – 17,6 тыс. жителей.

за гроши батрачил на фермах, ну а в Америку, известное дело, пешком не дойдешь.

А потом к нам переехала сестра моей матери. Глухая как пень – оглохла после бомбежки Марселя в мае 1944-го и спит теперь с открытыми глазами. Сидит по вечерам в своем кресле, и ни за что не угадаешь, дремлет она или бодрствует. Отец стал звать ее Коньята, то бишь «свояченица», так и пошло, только мать зовет ее Нина. Ей шестьдесят восемь, на двенадцать лет старше матери, но ничего не делает, только сидит в своем кресле, потому из них двоих мать выглядит старше. Встает она из него, только чтобы пойти на похороны. Похоронила мужа, брата, мать, своего отца и нашего в придачу, когда он умер в 1964-м. Мать говорит, что ее сестрица еще всех нас похоронит.

Механическое пианино никуда не делось, так и стоит у нас в сарае. Оно годами мокло во дворе, под дождем все покоробилось и почернело. А теперь в нем завелись мыши. Я его протравил крысиным ядом, но результат нулевой. Там всюду проедены дырки. А по ночам, когда в него заползают мыши, раздается целая серенада. Оно все еще работает. Но только один валик, «Розы Пикардии». Мать говорит, что ничего другого оно все равно играть не может, заиклилось на этом. Она говорит, что однажды отец поволок его в город, хотел отдать под залог в ломбард. Но на него даже не посмотрели. К тому же дорога в город идет под гору, а вот притащить его обратно отец с его больным сердцем не смог. Пришлось раскошелиться и нанять грузовик. Да, нашему отцу в деловой хватке не откажешь.

В тот день, когда он умер, мать сказала, что пусть только подрастет наш брат Бу-Бу, и мы им всем

покажем. Мы втроем притащим с собой пианино, встанем под окнами банка «Креди мюнисипаль» и весь день напролет будем крутить им «Розы Пикардии». Они там точно рехнутся. Но мы так и не собрались. Бу-Бу теперь семнадцать, это он велел мне в прошлом году перетащить пианино в сарай. А мне в ноябре стукнет тридцать один.

Когда я родился, мать хотела назвать меня Батистен, так звали ее брата, Батистена Дерамо, он утонул в канале, спасая кого-то. Мать всегда говорит: если видишь, что кто-то тонет, отвернись. Когда я вступил в добровольную пожарную охрану, она так рассвирепела и так пинала мою каску, что даже ногу себе покалечила. Во всяком случае, отец убедил ее назвать меня Фиоримондо. Так звали его брата, а тот, по крайней мере, умер в своей постели.

Фиоримондо Монтеччари – так меня зарегистрировали в мэрии и так написано в моих документах. Но тут началась война, Италия выступила против Франции, ну и в деревне мое имя не одобрили. Тогда меня стали называть Флоримон. Как бы то ни было, я всегда переживал из-за своего имени. В школе, в армии, да везде. Но Батистен – еще хуже. Я бы хотел, чтобы меня назвали Робер, я так часто говорю, когда спрашивают. Я и Эль так в первый раз сказал. Ну а кончилось все тем, что, когда я пошел в добровольный отряд пожарных, меня начали дразнить Пинг-Понгом*. Даже мои братья. Однажды – единственный раз в жизни – я даже подрался из-за этого, говорят, дрался как сумасшедший. Во-

* *Пинг-Понг* – прозвище пожарного из популярного детского фильма.

обще-то я не буйный, я самый обычный. Но, если честно, там дело было в другом.

Честное слово, я не понимаю, о чем сейчас рассказываю, разговаривать я могу только с Микки. Ну и с Бу-Бу тоже, но он совсем другой. Он блондин, в общем, у него светлые волосы, а мы оба – брюнеты. Нас в школе дразнили макаронниками. Микки прямо приходил в бешенство и лез в драку. Я намного сильнее его, но, как я уже говорил, дрался я всего один раз в жизни. Сперва Микки играл в футбол. Выкладывался, как мог. Играл он и вправду классно, правый нападающий, кажется, я в этом не смыслю, забивал мячи головой. Всегда был в самой гуще, прямо у ворот, будь то команда муниципалитета Барема или почтовиков Каstellана, и вот, откуда ни возьмись, появляется его голова, удар по мячу, гол! Потом все кидаются обнимать Микки, точно, как по телику. Обхватят руками, целуют, бросают в воздух, меня и то мутило, хотя я сидел за ограждением, далеко от него. Но выкладывался он на все сто. С поля его удаляли три воскресенья подряд. Ударят по ноге, скажут что-то обидное, да мало ли что – он сразу же в драку и всегда пускает в ход голову. Ухватится за майку и со всего размаха бьет головой – те сразу же падают как подкошенные и изображают травму. Ну и кого тогда судья удаляет с поля? Конечно, Микки. Дурак, каких повидать мало. Сам он восхищался Мариусом Трезором*. Утверждает, что это самый великий футболист. Эдди Меркс и Мариус Трезор, если его завести, может говорить о них хоть до утра.

* *Трезор Мариус (1950)* – футболист, защитник, выступал за сборную Франции.

А потом бросил футбол ради велосипеда. Получил лицензию на право участвовать в гонках, и все дела. Этим летом даже выиграл соревнование в Дине. Мы ездили туда с Эль и Бу-Бу, но это уже другая история. Ему скоро двадцать пять. Говорят, он мог бы и здесь стать профессионалом и чего-то добиться. Сам я в этом плохо разбираюсь. Он ведь никогда не мог справиться с двойным сцеплением*. Не знаю, как его грузовичок «рено» еще ходит, пусть даже перекрашенный в желтый цвет. Я проверяю мотор каждые две недели, не хочу, чтобы он потерял работу, а когда ему говорю, чтобы он был поосторожнее и не гонял как сумасшедший, он так послушно кивает, что хоть плачь от умиления, но на самом деле ему на все наплевать. Он всегда был такой, с самого детства, – у нас с ним разница почти в пять лет, – сколько раз он глотал жвачку, и ничего, а все считали, что он от этого непременно загнетса. Но все-таки с ним можно поговорить. Мне даже не нужно что-то придумывать, мы ведь знаем друг друга тысячу лет.

А Бу-Бу только пошел в школу, когда я уже служил в армии. У него была та же училка, что и у нас, мадам Дюбар, она теперь на пенсии. Он каждый день ходил по той же дороге, что и мы, – три километра в гору, подъем почти по прямой – только на пятнадцать лет позже. Из нас троих он самый умный. Уже

* *Принцип двойного сцепления* – переключение автомобильной передачи под нагрузкой, то есть, когда обороты двигателя практически не сбрасывались, разработал в 1939 г. Адольф Кегресс. Этот прием стали использовать на гоночных треках, на отдельных машинах. Только в 1980 г. компания Porsche применила этот принцип на своих моделях.

сдал экзамены и перешел в выпускной класс. Хочет быть врачом. В этом году ходит в коллеж в городе. Микки отвозит его каждое утро, а вечером забирает. На следующий год он поедет учиться в Ниццу или в Марсель, или куда-нибудь еще. В общем-то, он уже не с нами. Все больше отмалчивается, стоит выпрямившись, расправив плечи, руки в карманах. Мать говорит, что так он похож на вешалку. У него длинные волосы и ресницы, как у девчонки, мы с Микки его дразним. Но он никогда на нас не злится. Может быть, всего один раз, из-за Эль.

Это было в воскресенье, мы все сидели за столом. Он произнес одну фразу, всего одну, и Эль встала, поднялась в нашу комнату и допоздна так и не вышла. А вечером сказала мне, что я должен поговорить с Бу-Бу, должен ее защитить, и все такое. Я и поговорил с Бу-Бу. На лестнице в погреб, я там складывал пустые бутылки. Он не произнес ни слова, не взглянул на меня и заплакал, тогда я понял, что он еще совсем ребенок. Я хотел положить ему руку на плечо, но он вырвался и ушел. Он собирался пойти со мной в мастерскую посмотреть на мою «делайе»*, но вместо этого отправился в кино или куда-то на танцы.

У меня есть настоящая «делайе» с кожаными сиденьями, но она не на ходу. Я выменял ее на автомобильной свалке на ржавый фургон, за который отдал двести франков** одному продавцу рыбы на

* «Делайе» (*Delahaye*) – французская автомобильная компания машин класса «люкс», основанная Э. Делайе в 1894 г. и просуществовавшая до 1954 г.

** По курсу 1975 г. 200 франков соответствовали примерно 50 долларам.

рынке, а потом мы с ним их же и пропилили. Я поменял мотор, коробку передач, короче, почти всю начинку. Не знаю, в чем там загвоздка. Когда мне кажется, что все готово и я выкатываю ее из мастерской, где работаю, вся деревня сбегается поглазеть, как моя машина даст дуба. И она дает. Глохнет, и из нее начинает валить дым. Деревенские говорят, что впору создавать комитет по борьбе с загрязнением воздуха. Мой шеф просто звереет. Орет, будто я краду у него запчасти, торчу в мастерской по ночам и только зря расходую электричество. Правда, иногда он мне помогает. Но все без толку. Один раз я сумел проехать по всей деревне, из конца в конец и обратно, и только тогда она заглохла. Это был мой личный рекорд. Когда из нее повалил дым, никто даже не засмеялся, я их всех уделал.

Туда-обратно от мастерской до дома – это тысяча сто метров, Микки проверил по спидометру на своем грузовичке. Но если «делайе» 1950 года выпуска, которая вообще не выносит новые прокладки блока цилиндра, сумела пройти больше километра, то она еще себя покажет. Я так сразу сказал и был прав. Три дня назад, в пятницу, она себя показала.

Три дня.

Не могу поверить, что в часах одинаковое количество минут. Я уехал, я вернулся. Но мне показалось, что я прожил целую жизнь, а пока меня здесь не было – время вообще остановилось. Вчера вечером, когда я приехал в город, больше всего меня потрясло, что у кинотеатра висела та же самая афиша. Я видел ее на этой неделе по пути из казармы, но даже не остановился посмотреть, какой идет фильм. А вчера вечером перед антрактом они не

стали выключать освещение. Я ждал Микки в кафе напротив – на улочке за старым рынком. Ни разу в жизни я так долго не разглядывал ни одной афиши. Но описать ее все равно бы не смог. Знаю, конечно, что это Джерри Льюис*, но даже названия фильма не помню. Кажется, я тогда думал о своем чемодане. Не мог взять в толк, куда он задевался. Кстати, Эль я тоже увидел в кино задолго до того, как с ней заговорил. Вообще-то я всегда торчу по субботам на вечернем сеансе, слежу, чтобы молодежь не курила. Мне это нравится, потому что можно смотреть фильмы. А не нравится, потому что меня дразнят Пинг-Понгом.

Эль на самом деле зовут Элиана, но ее всегда называют Эль** или Вот-та. Она переехала сюда прошлой зимой с отцом и матерью из Арама, деревни по ту сторону перевала, которую затопили, когда построили плотину. Отца привезли на «скорой помощи» следом за мебелью. Раньше он был дорожным рабочим. Никто вообще о нем никогда не слышал, пока его не прихватило четыре года назад прямо в котловане, он свалился туда, в грязную воду, и расшиб голову. Говорят, когда его принесли домой, он был весь покрыт глиной с налипшими на нее прелыми листьями. С тех пор у него парализованы ноги – наверное, что-то с позвоночником, я в этом не разбираюсь, но он все время на всех орет. Сам я его ни разу не видел, он всегда сидит в своей комнате, но слышал, как он орет. Он тоже не называет ее

* *Джерри Льюис (1926–2017)* – американский актер, режиссер и писатель.

** Игра слов: Эль (сокращенное от Элиана) звучит также, как местоимение «она» (фр. *elle*).

Элианой, а кричит: «Мерзавка!» И еще кое-что – по-чище.

Мать у нее немка. Отец с ней познакомился во время войны, когда его отправили в Германию отбывать трудовую повинность. Она там заряжала пушки. Я не шучу. В 1945-м при бомбардировках привлекали девушек. Я даже видел ее фотографию: в косынке и в сапогах. Немногословная. В деревне ее не любят и прозвали Ева Браун. Ну, я-то, само собой, знаю ее ближе – человек она добрый. Вообще-то она так и говорит в свое оправдание: «Я добрый человек». С акцентом, как у всех бошей. Она так и не поняла ни слова из того, что ей говорят, и в этом все дело. Ей было семнадцать, когда ее обрюхатил один француз, и она, с горя, поехала за ним. Ребенок родился мертвым, и все, что ее ждало в нашей прекрасной стране, – это зарплата дорожного рабочего, насмешки и издевки за спиной, а через несколько лет, точнее 10 июля 1956 года, девчушка, в той самой колыбельке, которая так долго простояла пустой. Я против нее ничего не имею. Даже наша мать против нее ничего не имеет. Как-то раз я решил узнать все как есть. Хотел выяснить, кто такая Ева Браун. Сперва спросил Бу-Бу. Он не знал. Тогда спросил Брошара, хозяина кафе. Он из тех, кто зовет ее Евой Браун. Он тоже не знал. Объяснил парень с автосвалки, тот самый, что сбаврил мне «делайе». Факты – упрямая вещь. Теперь, когда я о ней говорю, мне тоже иногда случается сказать: «Ева Браун».

В кино я часто видел их вместе – мать и Эль. Они всегда садились во второй ряд, якобы чтобы лучше видеть, но денег-то у них не водилось, поэтому все

понимали, что из экономии. В конце концов я узнал правду: Эль ни за что не хотела носить очки, а на местах за десять франков она бы просто ничего не увидела.

Я простоял весь сеанс в каске, прислонившись к стене. В антракте я на нее посмотрел. Как и все, я считал, что она красивая, но с тех пор, как она поселилась в нашей деревне, сна я из-за нее не терял. Во всяком случае, Эль не говорила мне ни здарсьте, ни до свидания, наверное, вообще не ведала о моем существовании. Как-то раз она купила свое эскимо и прошла совсем рядом, но посмотрела только на мою каску. На меня даже не взглянула. Только на каску. Я ее снял. А потом не знал, куда деть. Отдал на хранение кассирше.

Тут я должен кое-что объяснить. Я сейчас говорю о начале июня, о том, что было три месяца назад. Говорю, как все случилось на самом деле. Хочу сказать, что до июня Эль, конечно, меня как-то впечатляла, но глубоко не трогала. Она могла бы так же спокойно уехать из деревни, как приехала, я бы даже не заметил ее отсутствия. Увидел, что глаза у нее голубые или серо-голубые и большущие, и мне стало неловко за свою каску. Только и всего. Короче, хочу сказать, что не знаю почему, но до июня все было совсем иначе.

Эль всегда выходила в антракте на улицу, чтобы съесть эскимо. Вокруг собирались люди, в основном парни, о чем-то трепались. Я думал, что ей больше двадцати, потому что вела она себя, как взрослая женщина, но я ошибся. Вот, например, когда она возвращалась на свое место и шла по центральному проходу, то прекрасно знала, что все на нее глазекуют:

мужчины, кто смотрит на нее спереди, гадают, есть ли на ней лифчик, а кто сзади – надеты ли на ней трусы под юбкой в обтяжку. Эль всегда ходит в узких юбках – ноги открыты до полбедра, а все остальное так обтянуто, что линия трусов, если они имеются, точно должна проступать сквозь ткань. Я тогда ничем не отличался от остальных. Что бы она ни делала, даже если не думать ни о чем дурном, все равно их заводило.

А еще она без конца смеялась – очень громко и заливисто, причем явно нарочно, чтобы обратить на себя внимание. Или вдруг трясла копной темных – по самый пояс – волос, и они блестели в электрическом свете. Считала себя звездой. Прошлым летом, год назад, она выиграла конкурс красоты на празднике в Сент-Этьен-де-Тине – в купальнике и на высоких каблуках. Там соревновались четырнадцать девиц, в основном отдыхающие. Ее выбрали «Мисс Кемпинг», она хранит кубок и все фотографии. И после этого возомнила себя звездой.

Однажды Бу-Бу сказал ей, что она звезда деревни в сто сорок три жителя – столько человек у нас числится по последней переписи населения – и что она парит над землей на высоте нашего перевала – тысяча двести шесть метров, – но в Париже или даже в Ницце ей выше тротуара не взлететь. Это та самая знаменитая фраза, которую он произнес за столом в воскресенье. Он имел в виду, что в Париже ей не выиграть, там тысячи красивых девчонок, и слово «тротуар» произнес вовсе не для того, чтобы ее обидеть. Как бы то ни было, она ушла в нашу комнату, хлопнула дверью и просидела там до вечера. А вечером я ей объяснил, что она все неверно поняла. Но,

увы, если ей что-то втемяшится в голову, права она или нет, ничего другого слушать уже не желает.

С Микки она ладила лучше. Он шутник, у него всегда глаза смеются, поэтому вокруг разбегается куча мелких морщинок. И к тому же женщина его жизни – это Мэрилин Монро. Если вскрыть ему черепушку, не знаю, кто там у него припрятан внутри – Мэрилин Монро, Мариус Трезор или Эдди Меркс. Он говорит, что Мэрилин – самая великая и второй такой не будет. По крайней мере, у них с Эль была хотя бы одна общая тема для разговора. Единственная фотография на стене, которую она могла вынести, кроме собственных, – это на плакате с Мэрилин Монро.

Вообще-то в какой-то мере даже странно, она ведь была совсем маленькой, когда Мэрилин Монро умерла, и смотрела всего два ее фильма, и то гораздо позже, когда их крутили по телику: «Река не течет вспять» и «Ниагара». Ей больше нравится «Ниагара». Из-за плаща с капюшоном, в который Мэрилин одета перед падением. У нас нет цветного телевизора, и плащ казался белым, но это не точно. Микки смотрел в кинотеатре и говорит, что желтый. Да, все не так-то просто.

Как бы то ни было, Микки мужчина, его можно понять. Сам я от Мэрилин Монро с ума не сходил, но его понимаю. К тому же он пересмотрел все ее фильмы. Знаете, что мне ответила Эль? Во-первых, что ее интересуют не фильмы с Монро, а сама Мэрилин, ее жизнь. Она прочитала одну книгу. Показала ее мне. Перечитывала десятки раз. Это единственная книга, которую она вообще читала. Во-вторых, сказала, что пусть она и не мужчина, что

и без того очевидно, но будь Мэрилин жива, будь такое возможно, ей лично не потребовалось бы много усилий, чтобы ее трахнуть. Так прямо и говорила, слово в слово. Вообще-то важнее не что, а как она говорила. Однажды летом Бу-Бу объяснил мне, что нужно держаться подальше от людей с ограниченным запасом слов, чаще всего они-то как раз и любят все усложнять. Мы с ним работали на винограднике, который купили на пару с Микки на холме, выше нашего дома. Он мне сказал, что я не должен доверять тому, как Эль говорит. Иногда, но не каждый раз, стараясь скрыть свои добрые чувства, она все равно использует те же самые слова, которыми говорят о чувствах дурных. Я выключил опрыскиватель и ответил ему, что он-то может выучить наизусть весь словарь, но все будет без толку, все равно сморозит очередную глупость. Хоть Бу-Бу у нас и всезнайка, но тут он ошибался.

Однако до меня дошло то, что он хотел сказать: Эль взволновало, что Мэрилин Монро умерла одна в пустом доме, и ей бы хотелось быть с ней рядом, выразить свое восхищение или что-то еще, чтобы помешать покончить с собой. Нет, он был не прав. Эль обычно говорила что-то одно за раз – то, что ей в ту минуту приходило в голову, но могла сказать сильно, словно обухом по голове. Этим она вообще отличалась: ей незачем было вдумываться и подбирать слова, вкладывать в них какие-то намеки, она достигала цели сразу. Ну а что касается ее словарного запаса, она не только ничего не слушала вокруг, но и в школе дважды оставалась на второй год во втором классе, пока наконец они сами не выдержали – не захотели больше с ней во-

зиться. Так вот, а сказать ей особо было нечего, разве что она голодна, ей холодно или посреди фильма хочется пойти пописать – об этом она оповещала сразу три ближайших ряда. Моя мать как-то сказала ей, что она ведет себя как животное. Эль удивилась и ответила:

– Не больше, чем все остальные.

А если бы ее назвали человеком, она бы резко дернула левым плечом и промолчала, потому что не поняла бы, и вообще она никогда не отвечала, когда на нее повышали голос.

Скажем, помешать Мэрилин Монро покончить собой, какой был для нее в этом смысл? Ведь Эль всегда твердила, что Мэрилин умерла потрясаяще, наглоталась таблеток, а на завтра – куча ее фотографий, и она навсегда осталась Мэрилин Монро... Она сказала, что хотела бы поближе познакомиться с ее бывшими мужьями, хотя двое из трех не в ее вкусе. Она сказала, что обидно, что тот самый желтый дождевик валяется где-то в шкафу, если его вообще не сожгли, а она гоняла как угорелая по всей Ницце, но так и не смогла найти такой же. Вот слово в слово. Бу-Бу, садись, двойка.

Я кипячусь, но, по сути, мне на это наплевать. Все теперь стало, как раньше, до июня. Когда я видел ее в кино, еще до июня, я даже не думал о том, как Эль с матерью добираются обратно в деревню. Вы же знаете, как обычно в маленьких городках: через тридцать секунд после конца сеанса двери запирают, свет тушат, и вокруг ни души. Я возвращался вместе с Микки в его грузовике, но вел я, я психую, когда он за рулем. Обычно с нами еще ездил Бу-Бу,

и по дороге мы подбирали кучу ребят, они забирались в кузов со своими мопедами и прочим скарбом.

Как-то мы посчитали: туда влезли почти все местные и ехали от самого города до перевала. Одиннадцать километров. Я их высаживал по очереди, одного за другим, при свете фар возле темных дорожек перед спящими домами. Если чья-то подружка должна была ехать дальше, приходилось их поторопливать – им все никак было не расстаться. А Микки говорил: «Да не трогай ты их». Когда приехали в деревню, в кузове уже было настоящее сонное царство. Я не стал будить ни Микки, ни Бу-Бу, сам вышел с фонариком. Ребята сидели в кузове друг за другом, прислонившись к борту грузовика, положив голову на плечо соседа. Сам не знаю почему, я подумал о войне, наверное, из-за фонаря в руках, должно быть, видел такое в кино, и в то же время почувствовал себя счастливым. Они выглядели именно так, какими и были на самом деле – крепко спящими детьми. Я потушил фонарь и не стал их будить.

Пошел и сел на ступени мэрии. Смотрел на небо над деревней. Я не курю, чтобы не было проблем с дыханием, но в тот момент мне очень хотелось затянуться. По средам я хожу на тренировки в казарму. Я у них старшина и заставляю выкладываться по полной. Раньше я курил «Житан»*. Отец говорил, что я жмот. Он бы предпочел, чтобы я курил американские, а ему отдавал бычки.

Как бы то ни было, мимо проехал сын покойного Массиня на своем фургончике и посигналил фара-

* «Житан» – одни из самых популярных и дешевых марок французских сигарет из черного табака и особой рисовой бумаги, которые славятся своей крепостью.

ми, потому что не понял, с какой стати здесь стоит «рено» Микки, а я не понял, чего он приперся сюда среди ночи, если живет в Панье, в трех километрах ниже. Я махнул рукой, чтобы показать, что все нормально и он может не останавливаться. Тогда он доехал до конца деревни – я все время слышал шум его мотора – и вернулся. Поставил машину в нескольких метрах от меня и вышел. Я ему сказал, что пацаны там в кузове все заснули. Он сказал: «А, понятно» – и тоже присел на ступеньку.

Это было в конце апреля или в начале мая, погода стояла еще прохладная, но приятная. Его зовут Жорж. Он ровесник Микки, они вместе служили в армии, в части альпийских стрелков*. Я знаю его всю жизнь. Родители отдали ему свою ферму, он здорово там управляется, у него на нашем красноземе растет все, что ни посади. С ним-то я подрался этим летом. Вообще-то зря, он был совершенно ни при чем, этот Жорж Массинь. Я выбил ему два передних зуба, но он не пошел жаловаться на меня в полицию. Сказал, что я потихоньку схожу с ума, и точка.

Мы сидели с ним вдвоем на ступеньках мэрии, и он ответил на мой вопрос – он провожал дочку Евы Браун. Мне показалось, что эти проводы длились слишком долго. Я засмеялся. Не могу сейчас рассказать об этом так, как рассказал бы тогда, это невозможно, но нужно понять, что тогда я мог

* *Альпийские стрелки (егери)* – солдаты, специально обученные военным действиям в горных условиях. Эти отдельные альпийские части были впервые созданы в 1793 г. по требованию Конвента. Во Франции в конце 1960-х гг. насчитывалось несколько таких частей.

смеяться, что мы спокойно обсуждали то, что обсуждают между собой мужчины, я уже собирался идти будить ребят, и вообще, если бы он мне тогда сказал, что трахнул не дочь, а мать, мне было бы совершенно без разницы.

Я спросил, переспал ли он с Эль. Он сказал, что сегодня нет, но случилось у него в фургоне на брезенте два или три раза этой зимой, когда мать не ходила в кино. Я спросил, ну и как она, и он описал во всех подробностях. Он ее ни разу полностью не раздевал, было слишком холодно, только поднимал юбку и свитер, но кое-что рассказал. Ну и черт с ним.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА